

Ровно в семь пробил колокол.

Фан Сынун и Юй Цюся так и не появились в столовой.

У Пу Тяньбая перехватило дыхание, в глазах заблестели слезы.

— Выходит, вчера не повезло именно им, — глухо произнесла Юань Гуаньцзюнь. За ночь она немного оправилась и пришла в себя, хотя лицо её всё еще оставалось мертвенно-бледным. — Очень жаль.

— Но Ху Бай тоже опаздывает... — робко начала Яо Ван.

Не успела она договорить, как из кухни показался Ху Бай — бледный, словно призрак, но с совершенно невозмутимым видом. В руках он держал поднос с завтраком.

Присутствующие затаили дыхание, боясь проронить хоть слово.

Расставив на столе тарелки с дымящимися баоцзы и маньтоу, Ху Бай уже собирался вернуться на кухню за остальным, как вдруг в тяжелую входную дверь дома постучали. Он замер в нерешительности, но после короткого колебания все же направился к выходу. Сидящие за столом дружно вытянули шеи, пытаясь рассмотреть гостя.

Спустя мгновение дверь распахнулась, и в дом вошли несколько полицейских, а следом за ними...

— Фан-гэ! Юй-гэ! — Пу Тяньбай подскочил на месте, едва не опрокинув стул.

Фан Сынун молча кивнул ему. Выглядел он вполне обыденно — разве что на рукаве темнело свежее пятно крови, но в остальном он казался целым и невредимым.

— Охренеть, они что, выходили ночью? — не сдержав изумления, пробормотал Чу Шэньнань. — Ну и стальные яйца у парней.

Полицейские сразу же задержали Ху Бая. Юй Цюся уверенно повел конвой на первый этаж, туда, где вчера они спрятали фрагменты тел, а Фан Сынуну позволили вернуться в столовую.

Пу Тяньбай тут же подлетел к нему:

— Фан-гэ! Вы как? Всё в порядке?

— Вполне, — Фан Сынун мазнул взглядом по столу, без лишних слов зашел на кухню, вынес

оттуда миску с рисовой кашей и тарелку с маринованными овощами и под ошарашенными взглядами присутствующих сел завтракать.

С жадностью проглотив несколько ложек, он заметил, что к еде никто так и не прикоснулся, и поднял глаза:

— Чего не едите? Присоединяйтесь.

Люди нехотя потянулись к приборам, не сводя с него пристального, изучающего взгляда.

Смахнув выступившие слезы, Пу Тяньбай с нескрываемым восторгом спросил:

— Фан-гэ, как вы вообще решились выйти наружу?

Фан Сынун, хоть и сам был новичком в этом проклятом месте, невольно относился к Пу Тяньбаю как к младшему брату, которого хотелось уберечь от беды. Скрывать что-либо он не стал — в конце концов, они не смогут вечно ходить парой, и чем больше парень узнает о способах выживания, тем лучше.

Он вкратце пересказал теорию Юй Цюся: «С наступлением темноты не открывай дверей, а если откроешь дверь — не открывай окон». Объяснил, как они выбрались через оконный проем и добрались до полицейского участка.

— Но откуда вы узнали, что полиция вам поможет? — не унимался парень.

— Полицейский участок открыт с трех ночи до девяти утра. Это правило, которым никто толком не воспользовался... — Фан Сынун дошел до этого сам, без подсказок Юй Цюся. — На самом деле это намек: ночью выходить можно, если не открывать главную дверь. Полицейский участок — наше ночное убежище.

Юань Гуаньцзюнь окинула его холодным, пронизательным взглядом:

— Значит, вы уже поняли, какую пьесу мы разыгрываем.

Это был не вопрос, а констатация факта.

Фан Сынун выдержал паузу и негромко произнес:

— «Франкенштейн».

По залу прокатился шепоток понимания — до кого-то наконец дошло.

Фан Сынун украдкой скользнул взглядом по Хуа Тяньсяо, сидевшему рядом с Пу Тяньбаем. Тот, как и накануне, безучастно пялился в пустую пиалу, погруженный в глубокую прострацию.

Как бы то ни было, раз Пу Тяньбай все еще цел и невредим, значит, Хуа Тяньсяо еще не «очнулся». Самым разумным сейчас было делать вид, будто ничего не произошло.

Юань Гуаньцзюнь обменялась парой тихих фраз со Старым Цзином. Сидевший поодаль Чжань Чэнсяо спросил:

— А полицейские?

— Всего лишь ширма, повод вернуться, — покачал головой Фан Сынун. — Думаю, толку от них мало.

Предчувствие его не обмануло: вскоре стражи порядка дружной гурьбой покинули здание. В столовую вернулся Юй Цюся. Ху Бай за ним не последовал — он остался у порога, провожая незваных гостей.

Юй Цюся прошел к столу, опустился на стул и первым делом жадно отхлебнул теплой каши.

— Ну как? — спросил Фан Сынун.

Тот покачал головой и, тщательно прожевав, ответил:

— Мешки валяются на земле пустыми. Содержимое исчезло. Должно быть, вернулось в почву.

— А полицейские? — встрял Пу Тяньбай.

— Сказали звать, если найдем новые улики, — пожал плечами Юй Цюся. — В любом случае, это не их уровень. Местную чертовщину законами не разрешить.

При этих словах он устремил пристальный взгляд на порог столовой.

Туда медленно вошел Ху Бай.

— Мяньцин, — окликнул его Юй Цюся, назвав истинным именем этого мира. — Мы знаем, что с тобой произошло. Что ты намерен делать дальше?

— Знаете? Да что вы можете знать?! — Ху Бай — точнее, Мяньцин — застыл на пороге. На его изможденном лице проступила горькая, полная отчаяния улыбка. Огромные, пустые темные глаза казались неестественно большими на исхудавшем лице. Его тело, ослабевшее после

недавних родов, выглядело хрупким, словно лист бумаги, а длинное просторное одеяние безвольно колыхалось, подчеркивая пугающую худобу. — Вы ни черта не знаете.

— Мне известно, что ты породил то чудовище, — совершенно спокойно ответил Юй Цюся. — Оно лишило жизни многих людей, и этот долг крови тебе придется разделить с ним.

Улыбка застыла на губах Мяньцина. В его тусклых глазах, окруженных глубокими тенями, медленно разгоралась глухая, беспросветная обреченность. Он в упор уставился на собеседника.

Юй Цюся безмятежно откусил кусочек маньтоу, прожевал и спросил:

— Судя по тому, насколько хорошо ты его знаешь... как думаешь, чего оно хочет?

К удивлению присутствующих, Мяньцин ответил. Голос его прозвучал тихо и бесцветно:

— Его единственное желание — мучить меня.

Сделав паузу, Мяньцин медленно подошел к столу и опустился на свободный стул. Он заговорил — тихо, исповедально, изливая душу.

Он рассказал о детской страсти к науке, о безумном стремлении сотворить живую плоть. Эта одержимость привела к тому, что он превратил собственное тело в инкубатор для вынашивания монстра.

Выродок совершил чудовищные злодеяния, истребив почти всех, кто был дорог создателю. В ответ Мяньцин растоптал в чудовище крупницы человечности — веру и добродетель. Они превратились в заклятых врагов, скованных одной цепью в адском кругу, обреченных на вечную, беспощадную погоню.

— Я преследовал его долгие годы, от знойного экватора до ледяных полюсов. И я знал: оно и не думает скрываться. Оно играло со мной, как кошка с мышью. Когда на краю света я замерзал в сугробах, готовясь испустить дух, оно возвращалось, чтобы согреть меня своим телом. А стоило мне прийти в себя — снова бросалось в бега, — бесстрастно рассказывал Мяньцин. — В конце концов его поймали и уперли за решетку. Я наконец-то обрел долгожданный покой. Но именно тогда я обнаружил, что ношу под сердцем плод.

Все присутствующие оцепенели от шока, и лишь на лице Юй Цюся не дрогнул ни один мускул. Он спросил так буднично, словно справлялся о погоде:

— Оно изнасиловало тебя на полюсе?

— Оно насильовало меня постоянно, — без всяких эмоций ответил Мяньцин. — Но зачатие, должно быть, произошло именно тогда.

Этот безумный театральный мир извращал любые события: обращал пожары в автокатастрофы, а ментальное насилие — во вполне осязаемое надругательство плоти.

— Хуже всего то, что после того случая мой измененный организм застрял в бесконечном цикле зачатий. Примерно раз в год я приносил потомство, — Мяньцин продолжал сыпать жуткими откровениями. — Срок вынашивания ничтожно мал, а рожденные твари... они растут не по дням, а по часам, в точности как их родитель. Даже когда его нет рядом, он продолжает истязать меня изнутри, лишая сна и покоя.

— У меня не оставалось выбора, кроме как продолжать исследования. За эти годы я кое-чего добился: новые твари рождаются всё более похожими на людей.

Юй Цюся понимающе кивнул:

— И поэтому ты держишь их здесь в качестве прислуги?

— Должны же они приносить хоть какую-то пользу по хозяйству.

— Почему ты их не уничтожил?

— Это невозможно, — покачал головой создатель. — Их генетический код слишком силен. Даже если разрубить их на части, они воскреснут.

Юй Цюся задумчиво коснулся пальцем губ:

— И именно в этот момент оно вернулось.

— Да, — Мяньцина передернуло. — Оно сбежало из тюрьмы и снова отыскало меня. Мой личный ад разверзся с новой силой.

В столовой повисло тяжелое молчание. Услышанное лишило людей дара речи.

Спустя долгую паузу Мяньцин выдохнул:

— Какая же это была ошибка... Мне никогда не следовало давать ему жизнь.

Эта жуткая исповедь никого не оставила равнодушным. Никто не находил слов поддержки. Одаренный юноша, чья страсть к познанию обернулась вечным кошмаром, в одиночку

противостоял тьме. В свете его признаний изможденный, призрачный лик Мяньцина уже не казался зловещим — теперь он вызывал лишь глубокую, щемящую жалость.

— И что ты намерен предпринять? — спросил Юй Цюся.

— Я должен положить конец этому кошмару, — без малейшего сомнения ответил тот.

— Убить его?

На этот вопрос Мяньцин отвечать не стал.

— У тебя есть план?

— Не знаю, — Мяньцин растерянно посмотрел на Юй Цюся, а затем обвел взглядом остальных присутствующих. — Мне нужна ваша помощь.

— Договорились, мы поможем, — отозвался Юй Цюся, словно именно этих слов он и ждал. — Но для начала его нужно выманить.

— Оно где-то рядом, я чувствую, — прошептал Мяньцин. — Просто избегает меня.

— Если оно крутится поблизости... — подал голос Фан Сынун, — почему ты решил обосноваться именно в этом месте?

— Когда-то оно упоминало этот город. После его ареста я приехал сюда и узнал, что здесь творилась всякая чертовщина. Я сразу понял, чьих это рук дело, — на бледном лице Мяньцина отразилась глухая тоска. — Не знаю, почему его тянуло именно сюда. Наверное, я просто хотел остаться здесь, чтобы искупить свою вину.

Фан Сынун задумчиво кивнул и спросил:

— И у тебя совсем нет способа заставить его показаться?

Мяньцин горько, почти безумно усмехнулся:

— Если я сдохну, оно наверняка придет полюбоваться на мой труп.

— Идеально! — Юй Цюся звонко щелкнул пальцами и повернулся к Пу Тяньбаю. — Живо дуй в ритуальные услуги и закажи гроб. Скажи, что нужен немедленно.

Пу Тяньбай согласно кивнул и тут же выскочил за дверь.

— Инсценировать смерть? — опешил Мянцзин, выслушав безумную задумку Юй Цюся. Спустя минуту колебаний он выговорил: — Если вы гарантируете, что поймаете его... я согласен.

Юй Цюся в этот момент готов был пообещать хоть луну с неба.

— Даю слово, — уверенно отчеканил он.

<http://bllate.org/book/20607/2173009>